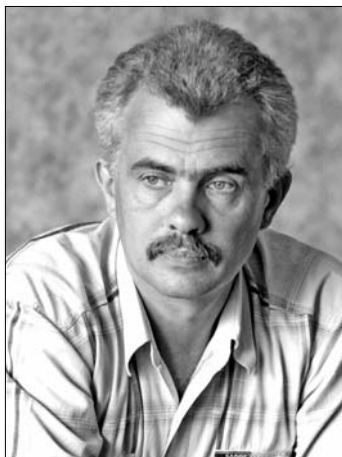

АНАТОЛИЙ КРЕЙДИЧ

ЧЕРНАЯ БЕЛКА

РАССКАЗ

Мое далекое-далекое детство прошло немалой своей частью в лесу. Я носился с такими же полудикими сорванцами, как сам, по непролазной чаще, по деревьям, как обезьяна, пугая косуль, лисиц и зайцев, которых было тогда полно. Мы возами возили грибы и корзинами ловили рыбу в лесных болотистых прудах, дружили с бобрами, кормили хлебом и червями птенцов в гнездах и еще успевали изо дня в день пасти коров.

Однажды, загнав свое послушное стадо в черемшаник, мы (то есть я, Колька Сымоньков да еще двое меньших, чем мы, сорвиголов, которые никакой роли в моей истории не сыграли) разожгли небольшой костер, поиграли с ножиком (кто проигрывал, зубами вытягивал из земли крепко загнанный туда колышек), достали из кармана несколько картошек и завернули их в горячие угольки. Малышня мигом насобирала самых вкусных в мире грибов — рыжиков, и мы поджарили их вместе с салом, нанизав на лозовые прутья. Позавтракали и разлеглись, выставив вверх животы (благо коровы, вот они, рядом; хорошо слышно, как хрустит, рвется в их крепких зубах жесткая лесная трава). И тут я заметил на одной из высоченных и голых до самой вершины осин дупло, а в нем остренькую черную мордочку — подвижную и очень уж любопытную.

— Смотрите, — показал я грязным от угля, жира и обгоревшей картошки пальцем на дупло, — белка. Черная белка!

КРЕЙДИЧ Анатолий Николаевич родился в 1965 г. в д. Завершье Дрогичинского района Брестской области. Окончил Белорусский государственный университет. Автор ряда книг прозы. Лауреат премии журнала «Маладосць» и премии Белорусского союза молодёжи в области журналистики и литературы. Живёт и работает в г. Иваново.

— Черных белок не бывает, — возразил кто-то из малышей, когда голова зверька показалась снова.

— А вот и бывают, — не сдавался я. — Рыжие живут на соснах, а черные — на осинах.

Теперь мне стыдно, что я — дитя леса, оказывается, так мало знал о его обитателях. Но спишем это на возраст.

Колька не влазил в наш спор, только повел глазами на верхушку осины, снова закрыл их и продолжал дремать, закинув ногу на ногу и надвинув на нос кепку.

Меня разобрано любопытство.

— Полезу, — решительно сказал друзьям.

— Не залезешь. Высоко, и сучьев нет.

— Зато у меня ремень есть.

С помощью этой очень полезной во всех отношениях штуки я достаточно быстро добрался до крошечного дупла. Начал заталкивать внутрь руку и едва просунул. Там нащупал что-то мягкое, теплое и подвижное. “Ага, вот ты где”. Рука вместе с пушистым комочком сама выскочила из узенького лаза (может, так думаю сейчас, от страха, который удваивал силу). Удивительно, но в своем доме зверек не кусался, а тут впился в кончик пальца и едва не пропорол его навывлет. Я прижал свою добычу к ноге, но она тотчас прокусила дырявые штаны. Закричав от боли, я, совершенно не понимая, что делаю, бросил зубастое создание на землю.

После этого решил проверить, не остались ли в дупле маленькие бельчата. Их оказалось двое. Но эти были не страшные, и я слез, положив их за пазуху.

Брошенный мною зверек лежал на мягком травяном ковре мертвый.

— Наверное, от страха очоурился? Прямо на лету, — предположили малыши.

Я подарил им свои крохотные пушистые трофеи, забинтовал рану на пальце полосочкой ткани, оторванной от тряпки, в которую было завернуто сало, а Сымоньков Колька достал из кармана ножик, и мы все вместе обстушили зверька. Очень уж хотелось узнать, что у него там за внутренности, у этого малого и длинного черного хищника. Но как только чрево под лезвием разошлось, быстренько позатыкали носы.

— Фу-у, какой вонищий, — завывли малыше.

— Гадость какая, — сморщился Колька и швырнул бедного зверька в кусты. Но его унюхала собака — наш верный пастушок Волчок, и Сымонька повесил мою черную белку, к которой я потерял всякий интерес, на сучок подальше от костра.

На этом и закончилась бы одна из многочисленных историй моего детства, если бы через целых семь лет не подарила мне судьба ее продолжение. Случилось это внезапно, когда из памяти уже начали постепенно уходить картинки той поры.

Был один такой вечер, когда я решил проводить с танцев Сымонькову Ярину — старшую сестру Николая (тогда он был уже в армии, а я собирался отправиться за ним вслед только весной). Не хочу перед вами хвастаться, но что было, то было. Провести Ярину домой считалось у нас большой честью даже для ребят старшего возраста, не то что для меня — кавалера сопливого. Только так уж как-то получилось: я пригласил ее на вальс, и в тот момент, когда мы кружились (простите — толклись) в тесной хате среди других пар, я попросил у нее разрешения сопроводить её домой. Она сразу же согласилась, и это было чудо из чудес. Я еле дождался, пока гармонисты спрячут в футляры свои голосистые инструменты, и не сводил с нее влюбленных глаз.

Ярина была в белом, расписанном мелкими цветочками, платье, в сапожках, которые сейчас, конечно, насильно не заставил бы носить ни одну девушку, но которые тогда считались настоящей роскошью (таких не было ни у одной ее подруги, и все танцевали в ботинках), а волосы она собрала в огромный, как круглый каравай, гугель. Ярина была, как созревшая ягода вишни. Казалось — еще год-два, и перезреет.

Из дома мы выходили последними, и я с жадностью наблюдал, как грациозно она накидывает на свою милую головку яркий “марьянский” пла-

точек, старенькое, но вполне еще пригодное для ношения пальто с блестящим черным воротничком — пожалуй, самым богатым ее украшением.

— Ого, какой воротник. Блестит. Из куницы, наверное? — Мне нужно было что-то сказать: пусть не думает, что у меня от счастья отняло язык.

— Да, из куницы, — гордо подтвердила она.

И уж когда мы выкатились на голубую и скрипучую от снега и сильного мороза тропку, она рассказала то, что услышала от отца. Это была та самая история. Только не было в ней меня (то ли Колька, рассказывая отцу, специально не упомянул мое имя, то ли отец забыл, кто тогда лазил на осину), а было короткое продолжение. К вечеру Колька, который хорошо знал, что это была никакая не черная белка, а ценный меховой зверек, сбегал на то место, снял мертвую куницу с сучка, а отец — признанный в округе мастер по изготовлению кож, сделал из нее аккуратный воротничок.

Ярина же свой рассказ завершила так:

— Тот дурачок, наверное, и сейчас еще думает, что на свете существуют черные белки, — и залилась веселым, совсем не язвительным смехом.

Я тронул тогда мех, который ласково окаймлял ее шейку, и рука моя будто снова провалилась в то ненавистное дупло: такое же мягкое и теплое, будто бы это живая “черная белка”. Я хотел сказать ей, что дурачок тот неусветный стоит сейчас перед ней, но слишком близко оказались наши лица, мы молча поцеловались. Для меня тот поцелуй был первый в жизни, и я растерялся, начал прятать глаза, а она, конечно же, целованная, и не раз (да простит мне моя жена эти слова), лишь игриво рассмеялась и толкнула меня в пушистый сугроб.

— Ну что ты за кавалер такой, робкий совсем. Заячья твоя душоночка!

И она навалилась на меня, начала забрасывать снегом. Он кололся, обжигал лицо, зато взбодрил, оживил, и я загреб Ярину в охапку, опрокинул через себя, насел сверху и, наблюдая, как тают на покрасневшемся, нежном личике холодные кристаллики, вдруг выдохнул (боялся, что потом уже не осмелюсь):

— Это же я тот дурачок, который считал куницу черной белкой, — и быстрее, боясь, что от этих слов она смутится, добавил: — Но я очень рад, что она досталась тебе.

Ярина не растерялась. Не тот характер. Да все же не промолчала. Когда мы вразвалочку подходили к ее дому, предложила:

— Мне что-то не по себе. С тобой так нехорошо обошелся мой брат. Лучше я отдам тебе этот воротник. Ведь он твой. Ты же когда-то натерпелся из-за него.

— Что ж, — ответил я, — пусть будет мой. Но я дарю его тебе. Это мой тебе подарок.

— Нет, это слишком дорогой подарок. Я не приму его.

— Тогда давай поженимся, и он станет нашим, — выпалил я и рассмеялся, потому что если бы не сделал этого, то сгорел бы от стыда, от такой своей дерзости.

— А-а-а, вишь ты какой — тихо-о-оня. Куда заверну-у-ул, — закатила она черные свои глазки. — А все-таки правду говорят, что в тихом болоте черти водятся. Иди уже, же-е-енишок!

После того вечера мы стали встречаться часто. Этот небом посланный воротник будто сроднил нас. Ей, наверное, неудобно было отказываться от моей компании (хотя я на два с половиной года моложе Ярины), а может, как она и сейчас мне доказывает, наоборот, встреча со мной всегда была желанной для нее. В итоге мы поженились. Перед самым моим уходом на службу.

Сейчас у нас трое взрослых детей и внуки. Мы ни разу за всю совместную жизнь не поссорились (попробовали бы вы в чем-либо с ней не согласиться, я тогда посмеялся бы), а воротник тот из “черной белки” и теперь еще тлеет потихоньку в клеенчатом мешочке. Реликвия.

Ну, а Николай Сымоньков — заведующий бойней в заготовительной конторе, наверное, до сих пор думает, что я ничего не знаю о его фокусемарокусе. А может, и забыл уже о нем — годков-то немало прошло. Только я не в обиде. Я благодарен ему.